

«Magister Dixit», №1 (17). Апрель 2015
СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Даниленко Валерий Петрович

«БУДЬ ЖЕ ХОТЬ В ЭТОТ ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЧЕЛОВЕКОМ»
 (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО) 4

«BE A HUMAN THIS YEAR AT LEAST» (ON DIARIES
 BY KORNEY CHUKOVSKY) 4

Ладыгин Юрий Алексеевич

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ РОМАНА
 Ф. МОРИАКА «LE FLEUVE DE FEU» 16

AN ATTEMPT OF CONCEPT INTERPRETATION
 OF THE F. MAURIAC'S NOVEL «LE FLEUVE DE FEU» 16

Антонова Алла Борисовна

ЯВЛЕНИЕ РЕТРОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 24

RETRONYMS IN MODERN RUSSIAN 24

Сонголова Жанна Геннадьевна

КОНВЕРСИЯ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ 28

CONVERSION OF ENGLISH PHRASAL VERBS 28

Трушкова Любовь Олеговна

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ,
 ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ SADNESS 32

SYNTAGMATIC LINKS OF LINGUISTIC UNITS VERBALIZING
 THE EMOTIVE CONCEPT SADNESS 33

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Назаров Владимир Владимирович

Кремнёв Евгений Владимирович

С. М. ГЕОРГИЕВСКИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ
 ДРЕВНЕГО КИТАЯ: ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
 НА ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ 39

S. M. GEORGYEVSKIY ABOUT THE POLITICAL STRUCTURE OF ANCIENT CHINA: THE RESEARCH OF THE HISTORY OF CHINA USING THE METHOD OF GRAMMATOLOGICAL ETYMOLOGY	39
---	----

Новопашин Михаил Александрович

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИК ГОНКОНГА И МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ	45
MAJOR TYPES OF ECONOMIC CORRELATION BETWEEN HONG KONG AND MAINLAND CHINA	45

Хохлова Екатерина Владимировна

ПРОНИКНОВЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ КИНОПРОДУКЦИИ НА КИТАЙСКИЙ КИНОРЫНОК	51
AMERICAN FILM INDUSTRY INFILTRATION INTO THE CHINESE FILM MARKET	51

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Луговых Анна Августовна

ТЕЛЕСЕРИАЛ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)	57
TV SERIES AS A TOOL FOR TEACHING A FOREIGN LANGUAGE (FROM TEACHING PRACTICE EXPERIENCE)	57

Подкаменная Елизавета Васильевна

Фетисова Светлана Анатольевна

ОТ ДЕРЕВА ПРОБЛЕМ К ДЕРЕВУ РЕШЕНИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ЧЕРЕЗ ПРОЕКТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	64
FROM THE PROBLEM TREE ANALYSIS TO THE TREE OF DECISIONS: FOSTERING THE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES THROUGH PROJECT WORK	65

РЕЦЕНЗИИ

Макарова Людмила Сергеевна

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«КИНОДИАЛОГ. ОБРАЗ-СМЫСЛ. ПЕРЕВОД», ПОД ОБЩЕЙ
РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. В. Е. ГОРШКОВОЙ
(Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 323 с.) 69

Гарбовский Николай Константинович

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«КИНОДИАЛОГ. ОБРАЗ-СМЫСЛ. ПЕРЕВОД» / ПОД ОБЩ. РЕД.
В.Е. ГОРШКОВОЙ. – ИРКУТСК: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 323 с. 72

ЛИНГВИСТИКА

Даниленко Валерий Петрович

Доктор филологических наук, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный лингвистический университет» «Евразийский лингвистический институт» (МГЛУ ЕАЛИ), г.Иркутск, Россия

УДК 81.00 Д18

ББК Ш 141.01.2973

«БУДЬ ЖЕ ХОТЬ В ЭТОТ ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЧЕЛОВЕКОМ» (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО)

Статья посвящена анализу дневников К. И. Чуковского. В центре внимания их автора находились вопросы, связанные с духовным совершенствованием их автора. Быть Человеком – вот как он понимал главную цель этого совершенствования.

Ключевые слова: К. И. Чуковский; дневники; совершенствование; быть человеком; духовная культура; религия; наука; искусство; нравственность; политика, язык.

«BE A HUMAN THIS YEAR AT LEAST» (ON DIARIES BY KORNEY CHUKOVSKY)

This article is dedicated to Korney Chukovsky's diaries. The personal development in a spiritual sense is the base of the author's attention. Being a human was his aim of his personal development.

Key words: K. I. Chukovsky; diaries; personal development; being a human; spiritual culture; religion; science; art; morality; policy; language.

Что значит быть ЧЕЛОВЕКОМ? А что значит быть животным? Быть животным значит обладать признаками, которые делают некий живой организм животным. Следовательно, быть человеком значит обладать признаками, которые делают некий живой организм человеком. Совокупность признаков, характерных для животных, может быть названа животностью, а совокупность признаков, характерных для человека, может быть названа человечностью.

Слово человечность употребляется в двух значениях – узком и широком. В первом случае под человечностью имеют в виду лишь нравственные качества человека, его добродетели – щедрость, сострадание, бескорыстие и т.п. Во втором же случае мы имеем дело со всем комплексом особенностей, которыми человек отличается от животного. В этот комплекс входит не только нравственность, но и религия, наука, искусство, политика, язык и прочие продукты культуры. Именно она, культура, и делает человека ЧЕЛОВЕКОМ, т.е. наделяет его человечностью. Человечность в этом, широком, смысле становится антонимом животности и синонимом культуры.

Культура – вот чем человек в своей эволюции превзошёл своего животного предка! Вот почему именно она составляет сущность ЧЕЛОВЕКА. Но к этой сущности разные люди приближаются в разной степени. Иначе говоря, одни из

нас люди в меньшей степени, а другие – в большей. Но главное даже не в этом, а в том, что одни сознают свою человеческую природу и стремятся на протяжении своей жизни развивать в себе человечность, а другие звёзд с неба не хватают: не до жиру, быть бы живу. К первым принадлежал Николай Корнейчуков, с детства знакомый нам как Корней Иванович Чуковский (1882-1969).

Слова, вынесенные в название этой статьи, К. И. Чуковский написал 27 декабря 1957 г. – в семидесятипятилетнем возрасте [5, с. 247]. Нечего и сомневаться в том, что автор этих слов судил себя чересчур строго. Он всю жизнь был таким. Даже на закате своей долгой жизни, когда ему, гениальному сказочнику, талантливейшему литературному критику, великолепному учёному-филологу, блистательному переводчику и уникальному мемуаристу, было чем похвалиться, он записал: «1 апреля 1958. 76 лет. Now stale and unprofitable (Как банально и бесполезно)! Никогда я не считал себя талантливым и глубоко презирал свои писания, но теперь, оглядываясь, вижу, что что-то шевелилось во мне человеческое – но ничего, ничего я не сделал со своими потенциями» [там же, с. 258].

«Что-то человеческое» и есть человечность. В приведённых словах К. И. Чуковский её явно в себе преуменьшает. Между тем он принадлежит к тем редким людям (к ним относятся, например, Максим Горький и Джек Лондон), которые с фанатическим упорством изо дня в день «выстругивают» из себя ЧЕЛОВЕКА. Чтобы увидеть это хотя бы в самых общих чертах, обратимся к его духовно-культурной характеристике.

Религия. Отношения с церковью у Коли Корнейчукова не заладились с детства. Во всяком случае, он на всю жизнь запомнил несправедливость, которую совершил по отношению к нему один из её представителей – гимназический поп Мелетий (он-то и проложил дорогу к последующему исключению Коли из гимназии). В чём состояла эта несправедливость? В явном преувеличении провинностей Коли. Этот поп полбороды себе выдрал из-за того, что вместе с Гришкой Зуевым Коля Корнейчуков считал на уроке нескончаемые мелетьевские «да-да-да». Но дело на этом не закончилось: «Я гляжу на него с изумлением, и тут мне становится ясно, что теперь мне не будет пощады! Потому что пирожок у меня с мясом! Сегодня же, как нарочно, пятница, а Мелетий тысячу раз говорил нам, чтобы по средам и пятницам, особенно великим постом, мы, православные, и думать не смели о мясе, ибо господь бог будто бы обижается, если мы съедим в эти дни кусочек ветчины или, скажем, говядины. Я этому не слишком-то верил: неужели господу богу не скучно заглядывать каждому школьнику в рот!» [2, с. 29].

Три тома понадобилось Е. Ц. Чуковской, чтобы издать дневники своего деда полностью – с 1901 г. по 1969 г., но богословская стихия в них по существу отсутствует. Их автор был атеистом. Уже в 19 лет он позволяет себе иронические высказывания в адрес Бога. Такие, например, как: «25 февраля 1901. Утром даю уроки (как репетитор. – В. Д.), объясняю, что мужеский род имеет преимущество пред женским и что Бог есть дух, но (!) в 3-х лицах...» [5, с. 15]

или «За обедом узнаю, что Бог помогает хорошим людям, а скверным не помогает» [там же, с. 16].

К. И. Чуковский не призывал своих детей – Колю, Лиду, Бобу и Муру – к атеизму. Более того, он даже мог позволить себе в общении с ними упоминать имя Бога. Вот, например, какой диалог с Колей (ему 5 лет) он записал 31 июля 1909 [там же, с. 156]:

- Люди умирают, папа?
- Да.
- Почему?
- Так Бог сделал, чтобы мы умирали.
- А сам, небось, никогда не умирает!

Понятно, что эта запись сделана ради последнего суждения маленького сына. На этом запись обрывается. Никаких богословских наставлений за нею не следует. Слова отца о Боге здесь обычный штамп.

Никаких богословских наставлений К. И. Чуковский не позволял себе и в других ситуациях, где всплывало имя Бога. В дневнике от 6 июля 1925 г. читаем: «Мура (ей 5 лет. – В. П.) третьего дня о Боге. “Он на небе? Как же он там держится? (И скосила глаза.) – Нет, он на небе и на земле. – Как же он прыгает туда и сюда?”» [там же, с. 235].

Не изменил К. И. Чуковский своим атеистическим убеждениям и перед смертью. Лёжа на своей последней больничной койке, он думал не о загробной жизни, а о том, какие книги, написанные им, он оставляет людям.

Наука. В автобиографической заметке «О себе» К. И. Чуковский писал: «Я родился в Петербурге в 1882 г., после чего мой отец (Эммануил Соломонович Левенсон. – В. Д.), петербургский студент, покинул мою мать (Екатерину Осиповну Корнейчукову. – В. Д.), крестьянку Полтавской губернии; и она с двумя детьми переехала на проживание в Одессу. Вероятно, отец давал ей вначале какие-то деньги на воспитание детей: меня отдали в одесскую гимназию, из пятого класса которой я был несправедливо исключён» [2, с. 7].

О своих гимназических мытарствах К. И. Чуковский рассказал в повести «Серебряный герб», впервые изданной в 1938 г. под названием «Гимназия. Воспоминания детства». Самое яркое событие, описанное в этой повести – исключение Коли Корнейчукова из гимназии. Причина исключения на официальной бумаге значилась так: «...за малоуспешность в науках и вредное влияние на учащихся» [там же, с. 112]. Но на самом деле его исключили из гимназии потому, что её директор А. Бургмейстер (Шестиглазый), как пояснил учитель истории Иван Митрофанович, выполнял волю высшего начальства о сокращении в его гимназии числа учащихся из бедных семей. «Зачем же ты унижаешься, кланчишь и кланяешься! – говорит Иван Митрофанович сердито, – ведь дело простое и ясное: Шестиглазому велено изъять из гимназии полдюжины “кухаркиных детей”» [там же, с. 109].

Нет худа без добра! Исключение из гимназии научило Николая Корнейчукова самообразованию. Он не только самостоятельно подготовился к сдаче экзаменов за полный гимназический курс и получил аттестат, но и стал в огром-

ном количестве поглощать книги. Более того, к шестнадцати годам он стал философом, создавшим теорию самоцели. В августе 1969 г. он вспоминал об этом времени вот как: «Друзья моей матери жалеют меня, считают меня безнадежно погибшим. Они не знают, что тайно от всех сам я считаю себя великим философом, ибо, проглотив десятка два разнокалиберных книг – Шопенгауэра, Михайловского, Достоевского, Ницше, Дарвина, – я сочинил из этой мешанины какую-то несуразную теорию о самоцели в природе и считаю себя чуть ли не выше всех на свете Кантов и Спиноз. Каждую свободную минуту я бегу в библиотеку, читаю без всякого разбора и порядка – и Куно Фишера, и Лескова, и Спенсера, и Чехова» [4].

Упомянутая статья стала первой статьёй К. И. Чуковского, которая была опубликована в газете «Одесские новости» в 1901 г., когда автору было лишь 19 лет. В ней идёт речь об односторонности в понимании назначения искусства как со стороны чистых эстетов, так и со стороны крайних утилитаристов. В позиции же самого автора в ней ощущается лёгкий налёт социал-дарвинизма («Общество, как и всё другое, создано по единственному мотиву и с единственной целью – победы в борьбе за существование»; «...что такое духовное стремление, как не маска для телесных потребностей?» [там же].

У А. М. Горького были свои «университеты», а у К. И. Чуковского – свои. Ими стали полтора года (с весны 1903 г. до осени 1904 г.), которые молодой корреспондент «Одесских новостей» Корней Чуковский провёл в Лондоне. Об этом времени он писал: «Корреспондентом я оказался из рук вон плохим: вместо того чтобы посещать заседания парламента и слушать там речи о высокой политике, я целые дни проводил в библиотеке Британского музея, читал Карлейля, Маколея, Хэзэлита, Де-Квинси, Мэтью Арнольда. Очень увлекался Робертом Броунингом, Россети и Суинберном (Английский язык я изучил самоучкой)» [2, с. 8].

С 1905 г. К. И. Чуковский живёт в Петербурге. Он становится ведущим обозревателем в газете «Речь». Это был «золотой век» его литературной критики. Из огромного числа его статей этого времени я бы выделил статью 1914 г. «Футиристы». Он выступает в ней как ярый враг культурного одичания – анимализации человека, расчеловечения. Он писал в ней: «Вот оно – то настоящее, то единственно подлинное, что так глубоко таилось у них подо всеми их манифестами, декларациями, заповедями: сбросить, растоптать, уничтожить! Разве здесь не величайший бунт против всех наших святынь и ценностей? Тут бунт ради бунта, тут восторг разрушения, и уж им не остановиться никак. Так и озираются по сторонам, что бы им ещё ниспровергнуть. Всю культуру рассыпали в пыль, все наслоения веков, и уже до того добунтовались, что, кажется, дальше и некуда, – до дыры, до пустоты, до нуля, до полного и абсолютного nihil, до той знаменитой поэмы знаменитого Василиска Гнедова, где нет ни единой строки: белоснежно чистый лист бумаги, на котором ничего не написано!» [там же, с. 234].

В дневнике К. И. Чуковского от 22 июля 1913 г. мы обнаруживаем записи о некоторых футуристах. Например, о А. Кручёных: «Был у меня Кручёных.

Впервые. Сам отрекомендовался. В учительской казённой новенькой фуражке. Глаза бегающие. Тощий. Живёт теперь в Лигове с Василиском Гнедовым: – Целый день в карты дуем, до чертей. Теперь пишу пьесу. И в тот день, когда пишу стихи, напр.

– Бур шур Беляматокией –

Не могу писать прозы. Нет настроения. – Пришёл Репин. Я стал демонстрировать творения Кручёных. И. Е. сказал ему:

– У вас такое симпатичное лицо. Хочу надеяться, что вы скоро сами плюнете на этот идиотизм.

– Значит, теперь я идиот.

– Конечно, если вы верите в этот вздор» [5, с. 184].

Свой метод в литературоведении К. И. Чуковский назвал «методом литературного портрета без лакировки» [там же, с. 286]. Его главным научным трудом по литературоведению стала книга «Мастерство Некрасова». В 1962 г., в 80 лет, он получил за четвёртое её издание Ленинскую премию. В этом же году ему присвоили звание профессора литературы Оксфордского университета. Свой оксфордский триумф Корней Иванович описал так: «24 мая 1962. ...На меня надели великолепную мантию... Ввели меня в зал, наполненный публикой... После чего я пошёл читать лекцию о Некрасове. Читал я легко, непринуждённо, почти без подготовки – и к своему удивлению имел громадный успех... Я читал по-английски отрывки из Swinburn'a и прославил нашу советскую науку, наше литературоведение...» [там же, с. 330].

Искусство. К. И. Чуковский приобрёл славу прежде всего как детский писатель. Но заявить о себе в этом качестве помог случай: «20 октября 1955. ...Чтобы развлечь его (больного сына Колю, когда ему было 9 лет. – В. Д.) дорогой в поезде, я рассказывал ему сказку о Крокодиле: “Жил да был Крокодил” под стук поезда. Импровизация была длинная, и там был “Доктор Айболит” – в качестве одного из действующих лиц; только назывался он тогда: “Ойболит”. Я ввёл туда этого доктора, что смягчить тяжёлое впечатление, оставшееся у Коли от финского хирурга» [5, с. 205]. Эта история произошла не то в 1913, не то в 1914 г.

Большую часть своих сказок и детских стихов К. И. Чуковский написал в 20-е гг. Только в редкие минуты на него находило вдохновение, когда писалось легко, но чаще всего писать приходилось с великими потугами. 10 апреля 1925 г. он сделал в дневнике такую запись: «...я высчитал, что своё «Федорино горе» я писал по три строки в день, причём иной рабочий день отнимал у меня не меньше 7 часов – три строки. И за то спасибо. В сущности, дело обстоит иначе. Вдруг раз в месяц выдаётся блаженный день, когда я легко и почти без помарок пишу пятьдесят строк – звонких, ловких, лаконичных стихов – вполне выражающих моё “жизнечувствие, “жизнебиение” – и потом опять становлюсь бездарностью. Сижу, маракаю, пишу дребедень и снова жду “наития”. Жду терпеливо, день за днём, презирая себя и томясь, но не покидая пера. Исписываю чепухой страницу за страницей. И снова через недели две – вдруг на основе этой чепухи, из этой чепухи – легко и шутя “выкомариваю” всё» [5, с. 227].

К. И. Чуковский предъявлял к себе как к писателю жесточайшие требования. Он писал на века. О том же «Федорином горе» он писал 27 марта 1925 г.: «Туго пишется Федора – не скучна ли она? Боюсь, что нет настоящего подъёма. На каждого писателя, произведения которого живут в течение нескольких эпох, всякая новая эпоха накладывает новую сетку или решётку, которая закрывает в образе писателя всякий раз другие черты – и открывает иные» [там же, с. 223].

17 декабря этого же года К. И. Чуковский жаловался на свои муки слова так: «Трудность моей работы заключается в том, что я ни одной строки не могу написать сразу. Никогда я не наблюдал, чтобы кому-нибудь другому с таким трудом давалась самая техника писания. Я перестраиваю каждую фразу семь или восемь раз, прежде чем она принимает сколько-нибудь приличный вид» [там же, с. 249-250].

Зато какие результаты! Вот начало сказки, которая так туго давалась её автору:

ФЕДОРИНО ГОРЕ

*Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.*

*За лопатою метла
Вдоль по улице пошла.*

*Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.
Испугалась коза,
Растопырила глаза:*

*«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».*

А вот вечный образ хитроумного зайныки из «Путаницы»:

*Только зайныка
Был паинька:
Не мяукал
И не хрюкал –
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных
Уговаривал:*

*«Кому велено чирикать –
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать –
Не чирикайте!
Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам под облаком!»*

В творчестве К. И. Чуковский видел главный смысл своей жизни и своё высшее счастье: «23 мая 1958. ...Вообще, без писания я не понимаю жизни. Глядя назад, думаю: какой я был счастливцем. Сколько раз я знал вдохновение! Когда рука сама пишет, словно под чью-то диктовку, а ты только торопись –

записывай. Пусть из этого выходит такая мизерия, как «Муха Цокотуха» или фельетон о Вербицкой, но те минуты – наивысшего счастья, какое доступно человеку» [там же, с. 265].

Нравственность. Наша нравственность начинается с отношения к своей матери. К. И. Чуковский боготворил свою труженицу-мать. В «Серебряном гербе» её образ обрисован так: «В ночь спала она два-три часа и охотно отказывалась от этого краткого отдыха, если ей вдруг приходило в голову выбелить известкою погреб, выкопанный под нашей квартирой.

С каким презрением говорила она про мадам Шершеневич: «Серьги золотые, а шея немытая!».

Она, кажется, перестала бы себя уважать, если бы однажды у неё под диваном оказалась пыль или за шкафом – паутина.

А уважала она себя чрезвычайно, никогда никому не кланялась, никого ни о чём не просила. И походка у неё была величавая» [2, с. 43].

От матери К. И. Чуковский усвоил непререкаемую истину: семья – это святыня. Главе семейства её нужно не только любить, но и кормить. Особенно трудно это было делать К. И. Чуковскому в послереволюционные годы. Но он продемонстрировал здесь чудеса выживания. 2 января 1920 г. он записал: «Так как ни писания, ни заседания никаких средств к жизни не дают, я сделался перипатетиком: бегаю по комиссарам и ловлю паёк. Иногда мне из милости подарят селёдку, коробку спичек, фунт хлеба – я не ощущаю никакого унижения, и всегда с радостью – как самец в гнездо – бегу на Манежный, к птенцам, неся на плече добычу. Источники пропитания у меня такие: Каплун, Пучков, Горохр и т.д.» [5, с. 282]. А 8 февраля этого же года он спланировал: «Моя неделя складывается теперь так. В понедельник лекция в Балтфлоте, во вторник заседание с Горьким по секции картин, заседание по «Всемирной литературе», лекция в Горохре; в среду лекция в Пролеткульте, в четверг – вечеринка в Студии, в пятницу – заседание по Секции картин, по «Всемирной литературе», по лекции в Доме Искусств. Завтра, кроме Балтфлота, я читаю также в Доме Искусств» [там же, с. 287].

К. И. Чуковский был заботливым сыном, мужем, отцом, дедом и даже прадедом. Но времени на семью не хватало. Вот почему нередко он казнил себя за то, чего не доделывал для родных. Очень часто ему было невыносимо стыдно за себя. Но и здесь он перебирал в самоосуждении.

Как он любил свою младшую дочь Муру! Как много он с нею занимался в домашней «школе»! Как он о ней заботился! Между тем он написал строчки, которые не укладываются в голове [там же, с. 46]:

НА МУРОЧКИНОЙ МОГИЛЕ

*...А девочка в коричневых чулочках
Обманутая, кинутая мною,
Лежит одна, и ржавые шипы
Вокруг её заброшенной могилы
Свирепо оцетинились, как будто
Хотят вонзиться в маленькое тело –
Домучивать замученное мной.
И всякий раз, когда я подхожу,*